

Никита Тимошенко

18+

ВСÖ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

2070

Никита Тимошенко

Всё

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Тимошенко Н. А.

Всё / Н. А. Тимошенко — «ЛитРес: Самиздат», 2015

ISBN 978-5-532-97708-2

После 2014 года мир изменился. Присоединение Россией Крыма изменило не только карты мира, но и картину мира всего человечества. Россия вновь стала аграрной сверхдержавой. В Америке появились хиппи XXI века. В Греции возродились дионисийские культы. Франция довела свой языковой снобизм до маразма. Но страны закрылись. Чтобы вновь открыть мир человечеству, Микаль отправляется в путешествие и превращает свою жизнь в непрерывную онлайн-трансляцию. «Всё» - это хроника его блога, опыта и инсайтов. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-97708-2

© Тимошенко Н. А., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

10 июля 2070 года	6
4 января 2065 года	8
31 марта 2037 года	11
6 сентября 2064 года	14
31 марта 2055 года	19
11 апреля 2055 года	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Никита Тимошенко

Всё

Знать путь и пройти его не одно и то же.
Кинофильм «Матрица»

10 июля 2070 года

Не могу сказать, что я счастливый человек. Не могу сказать, что жизнь моя несчастна. Не могу сказать даже, что я человек. Скорее, медиа-проект, самостоятельный круглосуточный канал на ТВ, самый читаемый блог, самый узнаваемый фото-видео-объект. Моя жизнь – пик мечтаний большинства людей. Со дня своего совершеннолетия я ни дня не проводил за границами объективов камер. Меня видели все, кто видит, слышали все, кто слышит, то есть 100% населения, поскольку современные технологии создали наконец-таки мир всеобщего благоденствия без кошмарных юродств прошлого. Вместе со мною через мониторы своих гаджетов проживали жизнь миллиарды человек. Каждый из них мечтал оказаться на моём месте. Каждый примерял на себя мою жизнь, мысленно выталкивал меня из фокуса человечества, вставал на моё место, словно в эпицентр славы и всеобщего обожания, и делал своё дело, конечно же, интереснее и ярче меня. А я... Иной раз я был бы не прочь оказаться на месте последнего из таких мечтателей.

Вероятно, лишь потому, что человек по природе своей жаждет чего-то иного. Просто-напросто лежащий на диване перед телевизором зритель иногда хочет в корне поменять свою жизнь и оказаться хоть на день мною. В свою очередь и я порой слишком уж хочу оказаться на пролёжанном диване этого лентяя. Казалось бы, разница между нами налицо: он даже при большом волевом усилии сможет подняться с дивана, только чтобы сходить на кухню за выпивкой. При нечеловеческом усилии он потащит себя на работу, чтобы потом позволить себе купить новый диван и свежее пиво. И нет в нём никакой силы, способной своеобразной рокировкой поменять нас местами. Мне же достаточно легко послать всё в тартарары и почить на любом диване в мире. НО! Общее между нами хоть и не так заметно, но куда важнее: реально ни один из нас никогда этого не сделает. Всё дело в том, что недовольство наше лишь внешнее. Нам порой приятно создать образ недовольного жизнью и потому целеустремлённого к чему-то большему (или, как минимум, другому) человека. Но, если прекратить врать самим себе и взглянуть правде в глаза, станет ясно: Цой (а он, как ни забавно, до сих пор жив) был не прав – мы не хотим перемен. Мой умозрительный антагонист хочет лежать на диване и, попивая пиво, бездейственно мечтать о большем. Я хочу продолжать то, что началось ещё до моего рождения и определило ход всей моей жизни. И нам это нравится. Это наша жизнь. Фундаментально не так уж мы и отличаемся.

Когда мы по-настоящему хотим что-то поменять, мы берём – и меняем. Перемены тогда – наш выбор. Когда нам это не нужно, мы оставляем всё как есть. И это тоже наш выбор, сколько бы мы ни играли роль недовольного бытием и сытого тошнотой экзистенциалиста. В действительности вся наша жизнь и то, что мы делаем, – это наш выбор. Даже моя жизнь, хоть и напоминает она больше реалити-шоу, детально разработанное амбициозным и креативным сценаристом. Может быть, это люди и называют судьбой, фатумом?

«Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу» – всегда было интересно, откуда взялась эта уверенность, что жизнь пройдена лишь наполовину? Кто в силах определить, что жизнь пройдена лишь отчасти? Кто из людей читал сценарий своей жизни, где написано, что сейчас, вот именно в данный момент, это середина сюжета, а впереди многие года? Может быть, именно сейчас я прошёл свой путь до конца?

И вот я очутился не совсем в лесу, но абсолютно в сумраке. В маленьком одиноком домике на берегу Северного Ледовитого океана у самой границы мира, до которой я дошёл в буквальном смысле слова и которую вот-вот собираюсь пересечь. Рядом со мной лежит только что бегло перечитанная мною «Гипербола о Гипербореи». Некогда грозные на вид камеры, зависшие под потолком, моим творческим порывом облачены теперь в белоснежных лебедей, словно примчавшихся на священнодействие. По сути, я просто набросил на них простыни и из

пенопласта вырезал анатомически недостающие элементы: изящные шеи с тонкими головами и мощные крылья. Бутафория эта, на мой взгляд, выглядит вполне убедительно.

И я уже был при полном параде, готовый к трансляции. В широких и удобных штанах-алладинах и фиолетовой футболке с провокационной принтовой надписью «Sapientī sat», в полулотосе я сижу на полу в полной тишине между двумя зеркалами. Метафорически выражаясь, я смотрю вроде бы и на себя, но и вперёд, одновременно мой взор направлен назад, в прошлое: в сети столь широкого фокуса внимания может попасть немало добычи. Закрывая глаза, я начинаю медленно дышать.

Вдох. Пауза. Выдох. Пауза.

Странно это. Я ещё здесь, но как будто бы уже там. Для меня время замерло, сжалось, а жизнь вокруг кипит, как прежде, но чувствую я это сейчас как никогда раньше. Только я уже вне этого кипения, вырван с корнем из сада жизни. Смотрю на всё словно со стороны, безучастно. Самое время отвлечённо и со стороны взглянуть на себя.

Вдох. Пауза.

Из архива памяти всплывают файлы с эпизодами моей жизни. Один за одним они начинают вращаться в моём сознании, беспорядочно сменяя друг друга. Я не сопротивляюсь этому ходу событий и дышу дальше.

Выдох. Пауза. Вдох. Пауза.

4 января 2065 года

Айко сидела напротив меня, на глазах её наворачивались слёзы.

– Айко, – окликнул я, – ты знаешь, ты – самое обычное и естественное, что случилось в моей жизни. И потому – самое невероятное и любимое! Невероятно любимое!

К нам подплыла голографическая официантка, вид которой, вероятно, выдавал мои эстетические предпочтения: такая типично японская школьница начала века в учебной униформе, состоящей, с позволения сказать, из юбки (вернее, чего-то очень скромных размеров и очень нескромно прикрывающего то, что должна), и блузки в придачу с высокими солдатскими берцами поверх белых чулок. Два пышных рыжих хвостика в пол на её голове и один лисий хвост на её... Ну, вы поняли... Делали образ совершенно нереалистичным, но художественно выразительным. Благо, в Японии это не выдавало во мне перверта и изменника.

– Братик или сестричка желает чего-нибудь ещё? – жизнерадостно обратилась она к нам.

Я мягко попросил оставить нас. Необычного в поведении официантки и в её не совсем материальной природе было не больше, чем во всём заведении, окружавшем нас в этот вечер и бывшем лишь голограммой. В Японии, культивируя врождённую скромность и тягу к уединению, которые удивительным образом уживаются с идеологическим коллективизмом, уже давно смастерили прикольную штуку. Специальный голо-блок, приобретаемый в любом обычном ресторане, способен при его активации воссоздать голографическую копию заведения-оригинала. При этом в комплекте идёт заказанная клиентом музыка и официанты, образ которых подгоняется под индивидуальные и порой очень бессознательные запросы клиента. К счастью, еда и выпивка такого эрзац-ресторана были не копией. Любой заказ оперативно выполнялся небольшим 5D-принтером, прилагаемым к голо-блоку.

Этот вечер мы решили провести на ровном и, главное, безлюдном плато загородной горы: вроде и природа, вроде и под звёздами, но в ресторане и без лишних глаз. Важным достоинством этого выбора являлась полная конфиденциальность: мои камеры-спутники никак не могли бы заполнять эфир подробностями вечера, который как раз в этот момент складывался очень личным, но не самым лучшим образом.

Айко подняла на меня блестящие и оттого ещё более трогательные и пронзительные глаза.

– Это ведь шутка? – с надеждой в голосе спросила она. – Я надеялась, что ты останешься со мной.

Отрицание. Закономерная реакция на проблему. Я молчал.

– А надолго? – не отступала она.

– Надолго. Не меньше пяти лет. Я тоже сначала надеялся на это. Но понял, что мой путь ещё не окончен. Это не значит, что я тебе не люблю...

– А что же это значит? – раздражённо спросила Айко.

– Пойми меня, я не могу остаться. Я должен продолжить это. Шоу ведь должно продолжаться, – я попытался улыбнуться.

Я хотел как-то развеселить её, хотя понимал всю абсурдность этих попыток в данной ситуации. Не было смысла ретушировать назревающую проблему юмористическим пассажем.

– Ты молча продолжаешь шоу, выдуманное и привитое тебе твоим отцом. Тебе не кажется, что твою жизнь расписали, словно сценарий, где ты в роли главного агнца на заклании непонятным идеалам? – она была не на шутку рассержена.

– Казалось. Сначала. Потом я понял, что это не моя покорность. Это мой выбор. Я просто не могу иначе.

– Так это свобода твоего выбора или необходимость?

– Я сам не до конца понимаю. Это так сложно. Мы, люди, ошибаемся, когда думаем, что сами создаём себя. Это верно отчасти. На самом деле мы – те, кто как-то впитал навязанные кем-то образы, алгоритмы, стандарты, клише; их уникальная совокупность смешивается, и вот – новая жизнь. Свободы, по большому счёту, нет. Свобода – осознанная необходимость, как известно. Так мы и ощущаем субъективно: не живётся нам спокойно без свободы, потребность в ней большая очень. Тогда что свободного в необходимости, спрашивается? Как необходимость нам велела, так и поступаем – вот она наша свобода. А вот и мы – в мире, где нет свободной воли, а есть воля, подчинённая необходимости, обусловленной прошлым опытом, где любое решение ею и определяется, а совсем не нами. Так что, выбор уже сделан, его нужно лишь осознать. И я его осознал.

– Но неужели тебе не хочется остановиться и зажить простой жизнью, как многие? – Айко начинало мелко потряхивать, слёзы уже переполнили её, казалось бы, бездонные глаза и готовы были вот-вот хлынуть наружу. Близилась последняя борьба перед концом.

– Для начала мне хочется стать единственным в том, что я делаю, потом я готов стать, как многие.

– Ты предлагаешь мне ждать тебя пять, а то и больше, лет, пока ты не изучишь весь мир?! – не затмив грусти, в её голосе прозвучала обида.

– Зато, покончив с этим, я смогу с головой уйти в твой мир, который, мне кажется, я не изучу никогда!

– Особенно, если собираешься бросить меня. Никогда женщинам не понять мужчин. Ваши дурные, по-детски наивные амбиции, больше напоминающие розовые фантазии, ваше стремление за горизонт, за славой... вы в погоне за счастьем, как собаки, гоняющиеся за собственным хвостом: думаете, что он где-то впереди вас... – она осеклась, злость сменилась каким-то новым чувством. – Почему ты не можешь взять меня с собой?

– Если не выходит взять всё и сразу, герой берёт по очереди, – снова невпопад попытался я пошутить. – Это противоречит условиям контракта... – оборвав себя, серьёзно закончил я.

– Ты и есть контракт! Ты – и его исполнитель, и его предмет. Без тебя нет никакого контракта. Ты мог бы решить этот вопрос.

– Изначально задумка была иной, ты знаешь. Отец, а теперь и я, видел в этом сакральный смысл... Как ни парадоксально, но чем больше мы можем, тем меньше мы можем. Кажется, что мне всё по силам: плюнуть на путешествие, изменить контракт. Но на самом деле мне можно лишь одно – продолжать. Возможностей у меня теперь не больше, чем у пущенной стрелы – лететь в цель. Всё остальное – ограничения ради этой единственной возможности.

– Как пафосно и тщеславно...

Немного помолчав, с напускной деловитостью, чтобы скрыть душившую её обиду и грусть, Айко заявила:

– Я не обещаю, что буду тебя ждать. В отличие от тебя, я не готова обременять себя таким наивным обязательством. Ты вообще представляешь, как много может произойти за пять лет?

– Я, как никто, знаю, как много произойдёт за это время.

– Не только у тебя. Я не хочу нарочно строить стены ото всего мира, от чувств и любви, в конце концов. Я не хочу, меняясь сама, неизменной лелеять любовь к покинувшему меня человеку, который, кстати, тоже будет меняться всё это время. Я не хочу прождать тебя полжизни, чтобы потом понять, что не люблю тебя. Или, что ещё хуже, узнать, что разлюбил ты. Это слишком рискованный вклад под сомнительные проценты.

– Я понимаю тебя. Айко...

Нам обоим стало по-настоящему грустно. До этого момента я действительно верил, что мы сможем договориться продолжить всё дальше и позже, как друзья по летнему лагерю весело договариваются в следующем году встретиться вновь. Своим преувеличенно уверенным тоном я пытался создать видимость того, что это всё легче, чем кажется, что я, как некогда великие

полководцы и императоры, ухажу в поход за славой в то время, как моя женщина смиренно и верно ждёт меня дома. То ли времена поменялись, то ли женщины. Мужчины точно остались такими же, права Айко. Я представлял себе, как спустя годы вернусь к ней, наши чувства вспыхнут с новой невиданной силой... А теперь, экстерном миновав стадии отрицания, гнева и торгов, я тяжело, страшно и больно, словно в колодец без света и выхода, ухнул в глубокую тоску. Как и Айко.

Хотелось сказать что-то приятное и важное. Хотелось прочувствовать этот момент, зафиксировать его в памяти нужными словами. Но, видно, эффектные прощания и уместные слова находят только герои фильмов и книг. Мы же сидели и молча смотрели друг на друга, время от времени отводя взгляд, чтобы ослабить эмоциональное напряжение и скрыть влажность глаз. Сидели. И молчали. Молчали и смотрели друг на друга, всё больше надеясь и всё больше теряя веру в то, что всё ещё можно изменить. Но никто из нас не сделал этот шаг. Свобода каждого определилась необходимостью его выбора.

Я встал. Крепко поцеловал Айко на прощание и вышел за границу голограммы.

За спиной слышался плач и шипение крушимой Айко иллюзии ресторана.

Отзывчиво-назойливые камеры вновь окружили меня, напоминая, как я одинок на виду у миллиардов глаз. Меня встретил морозный воздух и мягкий токийский снег крупными хлопьями. Как же я надеюсь увидеть его ещё раз...

31 марта 2037 года

Судорожно-конвульсивные усилия моей дорогой мамы, аккомпанемент криков боли, словно яростная канонада, разрывающих спёртый, пропахший потом и кровью воздух больничной палаты, опытная, но взволнованная сосредоточенность врачей-повитух и почти истерическая суэта соперечающих, ощущаемая через стены, этажи и даже города. Вся эта инфернальщина – церемония моего рождения. 31 марта 2037 года. Пугающая атмосфера первых впечатлений несчастного, скользкого и окровавленного человеческого комочка не может не вызывать подсознательный патологический ужас жизни, смешанный притом с героической волей к жизни, приведшей меня сюда.

Но я забегая вперёд.

Как ни парадоксально, история моя берёт своё начало не с моего рождения, а с рождения идеи в голове моего отца. Наверное, в идеале, каждое рождение ребёнка должно быть спланировано и сознательно принято: ребёнок должен быть желанным. Не то, чтобы я не был желанным. Я, скорее, был спланирован. Позже я шутил, что неизвестно, чьё рождение было большей радостью для моих родителей – моё или этой самой идеи. Одно точно – всей своей жизнью я, безусловно, обязан именно ей.

Моего отца зовут Джоув. В имени его нет ничего удивительного, даже для России. Знаю, раньше наша страна была довольно консервативна и традиционна во многих вопросах (в том числе в выборе имён), в отличие, например, от Европы. Но всё течёт, всё меняется. Охотно ориентируясь на Запад, Россия нехотя усваивала его социокультурные паттерны. Вода, как известно, камень точит, и долго ли, коротко ли, а Россия уже – прогрессивная страна, практически с опозданием на век переживающая свою волну хипповой либерализации.

Отец мой родился в 1992 году и, конечно же, носил другое имя. В те времена принято было зваться Сашами, Ванями и Петями. Какое-то из простых имён было и у отца, но, как и все, контуженный прогремевшим тогда бумом, названным name-shifting¹, отец взял новое имя.

Жил он в одном сибирском городке, расположенном на просторах плато Путорана, которое в детстве я ошибочно называл «В-путь-рано», вероятно, предчувствуя своё будущее. Здесь же отец с отличием окончил факультет философии и посвятил себя ментальному дайвингу – изо дня в день погружался в никому неведомые (и, в общем-то, неинтересные) глубины мысли. Материальное положение, которое в его случае зиждилось на семейном, не заставляло его голову трудиться над решением бытовых проблем, позволяя всю свою интеллектуальную мощь обрушивать на возвышенные понятия и их хитросплетения. Не знаю, благодаря ли такому имени или просто от природы, но отец мой был человеком амбициозным просто сверх меры, всегда стремящимся совершить нечто невероятное, войти в анналы своей эпохи, потеснив там ни много ни мало всех. И ему, как мы сможем убедиться, это удалось, и плевать, что в некотором смысле опосредованно.

Отцовская, столь же мудрая, сколь и деспотичная, натура нашла себе любимую девушку по вкусу, которая была младше его, тише воды и покорней рабы в отношениях с отцом, что, впрочем, не мешало ей быть прекрасным, интересным и светлым человеком. Звали её Ангелина. Это свидетелями её конвульсий и стонов мы были в начале главы. Рад представить свою маму.

Мама родилась в 2010 году где-то в Китае. Исконно русская семья её была заброшена на далёкий чуждый восток модными в те времена тенденциями образа жизни – дауншифтингом (то, по всей видимости, была эпоха великого шифта, в которую, по древней мудрости, желали

---

¹ Name-shifting – образовано слиянием двух английских слов: «name», то бишь «имя», и «shift», то бишь «изменение», «смена».

жить лишь врагу). Дауншифтеры противопоставляли трудоголизму и корпоратившине индивидуальное духовное развитие, а также свободный и независимый быт себе на потеху. Вся суть сводится к тому, что человек, внезапно осознавший себя дауншифтером, шлёт повседневные заботы в пекло да и сам уезжает куда потеплее жить на проценты от вкладов, на арендную плату от доставшейся от бабули квартиры или питаться святым духом. По плечу это дело людям, достигшим известной меры успеха, уже обеспеченным и обречённым на отдых до конца жизни. Меньше повезло семье моей мамы. Осознав, что без постоянного дохода жизнь не сказка даже в любимом Китае, а за безделье в социалистической стране не платят, они вернулись на родину – в суровую Сибирь, где кривые линии судеб моих родителей и пересеклись в одной точке, после чего устремились в будущее в одном направлении.

Надо признать, что родители отлично подошли друг другу. Главнейшей для отца чертой в матери было то, что она, успев усвоить в Китае, кто главный в семье, никогда не сопротивлялась самым вычурным идеям отца. Она верно следовала ему во всём, став, тем самым, надёжной опорой в его (с позволения сказать) труде и жизни. С другой стороны, за короткое время эмиграции (наверное, на генетическом уровне), помимо восточной мудрости, мама успела постичь в Китае и прелести жизни дауншифтера, которые, пусть и не в тёплых краях, воплощались наяву в семье её новоиспечённого супруга.

Найдя друг в друге то, что, вероятно, каждый и искал в своём избраннике, мои родители пережили быструю и крепкую диффузию душ и судеб. И пускай союз их не был слишком уж чувственным и эмоциональным, жили они в прочном ладу. Вероятно, благодаря тому, что ни один из них и не был излишне чувственным и эмоциональным, что, на удивление, никогда не сказывалось на мне.

Кстати, обо мне. Настало время поведать, как всё началось.

Как я уже говорил, амбициозный мозг моего отца взрастил однажды причудливую, забавную, но вместе с тем немного дикую идею.

Он размышлял над тем, что люди в этом мире живут, словно в замкнутом пространстве маленькой подсобки, куда напихано множество бесполезных архаичных вещей. Мы не знаем мира, мы ограничены в его понимании и потому – в понимании себя вообще и своего места в нём. Отцу, понявшему практически всё (как ему казалось), эта мысль была невыносима. Выходит, сколько бы он ни сидел в своём поместье, путешествуя вглубь сознания, он никогда не достигнет нужной широты его, поскольку так и не постиг всего богатства и разнообразия жизни, мира. Единственный путь к постижению всего на свете – это попробовать всё на свете, увидеть всё на свете, так он думал, именно ВСЁ! Каков масштаб задумки, а!

Его долго терзала эта мысль. Он потерял интерес к любимой науке, разочаровался в жизни, отчаялся. Он понимал, что зашёл в тупик, и, видя один-единственный выход из него, отдавал себе отчёт в том, что сам уже не сможет им воспользоваться: возраст не тот, силы не те, да и темперамент, если честно, никогда не был тем.

Но мыслитель не был бы мыслителем, если бы не выдумал гениальное решение проблемы, верно? И вот оно – это решение. Отец понимал, что, не имея уже возможности самостоятельно воплотить свою фантазию в жизнь, он всё ещё в силах создать такую возможность для другого. Не можешь претворить фантазию в жизнь – сотвори жизнь, претворяющую фантазии.

И вот уже мой отец всецело поглощён идеей рождения и воспитания сына с одной лишь целью: сделать его человеком мира, устроить всё так, чтобы сын его смог и обязательно воплотил в жизнь его мечту. Конечно, отец понимал, что в таком случае это уже не он будет покорителем мира, героем, познавшим всё. Но также он прекрасно знал, что обязательно причастится этого достижения. Он – бог и отец этого героического подвига. Он автор этого апокрифического сюжета. А значит, вся заслуга в этом его.

И он сделал из этого шоу. Мой гениальный отец понимал, чем живёт народ – зрелищами, а в наши дни даже больше, чем хлебом. Он встретился с нужными людьми и заразил их своей

идеей, нафаршировав её качественно иной начинкой, съедобной для их пищеварения. Отец выставил это всё в потребительском свете: представьте себе реалити-шоу, в котором один главный герой, начиная с его совершеннолетия, покидает свою семью, родное гнёздышко и, словно в паломничество, уходит скитаться по миру до тех пор, пока каждый уголок нашего космического дома не будет им посещён и постигнут. А за всем этим священнодействием (и это самое главное!) наблюдает весь земной шар. Получается эдакая познавательная-развлекательная программа, нон-стоп транслируемая из самого сердца событий. Не правда ли, заводит? Только представьте себе этот размах, эти рейтинги и популярность! Конечно же, продюсеры, чуть не подавились, но схавали задумку. Так отец заручился необходимой в таком глобальном мероприятии поддержкой.

И вот уже делу дан зелёный свет. Только в этот момент отец всерьёз приступает к исполнению своего супружеского и биологического долга. Мама, которая не шибко-то и хотела детей, с воодушевлением поддерживает отца, искренне желая успеха в его начинаниях, ещё более наполеоновских, чем у самого Наполеона. В то время, пока родители трудились над созданием главного героя проекта, продюсеры немало сделали для организации моего будущего феерического турне. Инвестиция с их стороны, конечно, была долгосрочная, но более чем окупаемая. Своими стараниями они обеспечили мне радушный приют, куда бы я ни попал, а попасть я должен был везде. Мне официально разрешили появляться там, где не должна появляться ни одна живая душа. Многие государственные лидеры сразу клюнули на эту идею. Кто не сразу, тот, подхваченный всеобщим порывом (или банально известным инстинктом не быть хуже других) подключился позже. Передо мной распахнулись плотно запертые донные границы. Меня везде с нетерпением ждали, чтобы увидеть человека-реалити-шоу, но в первую очередь, конечно же, для того, чтобы качественно и на весь мир прорекламировать себя. Что называется, и на людей посмотреть и себя показать. Продюсеры даже решили вопрос моей безнаказанности в рамках реализации проекта: порой мне было дозволено даже самое запрещённое и осуждаемое моралистами, если того требовала моя высокая миссия. Ведь, что ни говори, но и запретные плоды – это неотъемлемый аспект жизни человеческой, постичь которую и есть основополагающая, пусть и не декларируемая, цель. Правда, быть может, в интересах проекта мне стоило и в тюрьму попасть? Тоже аспект жизни. Но до возникновения добровольного желания от этого меня обезопасили. Вероятно, потому, что иначе шоу мог прийти скучный конец.

Одним словом, всё было готово к моему рождению. Мои родители, продюсеры и операторы, весь мир – все с волнением ждали. И вот, наконец, 31 марта 2037 года в 6 часов 48 минут утра шоу начинается.

6 сентября 2064 года

Автолёт шустро доставил нас до пункта назначения, прямо к гиганту невероятных размеров – известному на весь мир Чёрному Кубу Мале Ви-Чана. Глядя на него, я оторопел от осознания своей незначительности, малости по сравнению с этим величественным чудом.

Чёрный Куб – мультивариативная площадка инновационных развлечений, созданная гением японца Мале Ви-Чаном. Для всех геймеров с момента открытия она всегда была следующим, после любого последнего, пискom моды. Эдакая Кааба, святыня, к которой бесконечным паломническим ходом стремились все геймеры, расположилась в пригородной черте Токио. Святыня представляла собой огромный куб размером примерно с три футбольных стадиона, сооружённый из блестящих чёрным глянцем идеально гладких каменных граней. Вход с автоматическими дверями сливался со стеной. Понять, где он, можно было только по толпе посетителей, выстроившихся изнемогающей от азарта шеренгой. Приметным во всём этом внушительном, но скучноватом внешне монументе было внутреннее содержание.

Не успел я опомниться от увиденного и закончить свой ставший уже привычным онлайн блог, как провожатые, не постеснявшись воспользоваться моим привилегированным положением медиа-звезды, миновав бесконечную очередь, протащили меня внутрь святыни. Только там я понял, что внешняя простота Куба обманчива, что за нею, словно за невзрачной обложкой старой книги, скрывается невероятный мир, где магия перестаёт быть вымыслом.

Мале Ви-Чан смог то, о чём до него мечтало не одно поколение. Он разработал и сконструировал площадку, где благодаря достижениям науки стало возможным воплотить в жизнь самые невероятные фантазии. За основу нередко брались идеи выдающихся писателей прошлого как самых невероятных фантазёров. Каждые полгода Куб предлагал своим гостям новые развлечения: охота на драконов в Средиземье, оборона Чёрного замка в Вестеросе, звёздные войны и покорение Звезды Смерти, эпическое возвращение из рундука Дэви Джонса – теперь читатель или зритель мог стать героем. От желающих испытать приключения на собственной шкуре отбоя не было. И это более чем понятно.

Сегодня, помимо классических и неизменных игр на любой вкус и цвет, напоминавших волшебное воплощение старых аттракционов начала века, гостей ждало кое-что новое и необычное.

По-быстрому рассчитавшись на кассе, я и мои провожатые устремились в раздевалку.

– Сегодня будет командная игра. Это, так сказать, дебют аттракциона, – инструктировал меня Акира.

– Значит, ни от кого не стоит ждать невероятных показателей? – поинтересовался я, пытаясь не подать вида, что волнуюсь перед игрой.

– Да ты не дрейфь! Тебе, Микаль, повезло: с тобой лучшие геймеры Токио. С такой командой в грязь лицом на весь мир не ударишь, – расхохотался второй мой спутник Катсу.

Он и Акира действительно составляли сильную и гармоничную команду. Катсу – здоровяк с удивительно подвижным и гибким для таких габаритов телом, словно принявший форму человека зверь, который весь один сплошной инстинкт. И Акира – конгениальный стратег, с равной ловкостью и скоростью ума и тела. Вместе они, а, впрочем, чёрт с ними. Через 5 часов об этих двоих не вспомню ни я, ни вы.

– Катсу, конечно, прав, но перед началом игры каждому игроку в мозг инсталлируют базовые необходимые навыки, чтобы никто не тупил с освоением азов по ходу матча, – внёс толику реализма Акира.

Закончив все подготовительные и инсталляционные процедуры, мы вышли на кромку игрового поля. Я не мог поверить, что увиденное мною таилось за стенами Чёрного Куба. Перед нами простиралось овальное игровое поле, засаженное мягкой травой, в концах кото-

рого напротив друг друга располагались ворота в виде трёх колец, на разной высоте от поля стоящих на металлических столбах. Под кольцами была заготовлена песчаная насыпь. По периметру поле окружили величественные колонны со зрительскими трибунами, занять которые мог любой желающий посмотреть игру. Конечно же, всё это голограмма, иначе невозможно было бы так часто менять декорации под новые игры. Я с размаху хлопнул по ближайшей колонне.

– Твою ж рать! – неожиданно реальное и от того болезненное соприкосновение с иллюзорной стеной вызвало столь экспрессивный возглас с моей стороны.

– Хехех. Мале Ви-Чан умудрился придать голограмме присущие оригинальному объекту физические свойства, поэтому и ветерок в волосах ты ещё почувствуешь, и кровь на губах. Без этого было бы скучно. Но серьёзно травмироваться тут не удастся: наложены определённые ограничения на законы физики, – Акира был так весел, что я не знал, чему больше удивиться – его спокойствию или техническому гению Мале Ви-Чана.

В центре поля, ожидая, пока соберутся все участники команд, стояла судья в чёрной мантии. В руках она держала деревянную метлу, которая уже несколько веков как вышла из обихода. Справа и слева от неё лежало ещё по семь таких же мётел.

– Итак, нам нужна красивая и честная игра. От всех и каждого из вас, – заявила она, жестом приказав всем подойти поближе. – С базовыми моментами вы уже знакомы. Для тех, у кого ещё не прогрузилась программа с правилами и навыками игры, короткий ликбез. Вас ожидает увлекательная игра квиддич, вымышленная Джоан К. Роулинг в романах о Гарри Поттере. Все декорации и физика процесса игры тщательно спроектированы нашими дизайнерами и техниками, а это значит, что вам остаётся лишь седлать мётелы и наслаждаться игрой!

Пинком распахнув крышку прыгающего у её ног чемодана, судья высвободила на волю два обезумевших мяча. Пока игроки запрыгивали на мётелы и, на удивление, уверенно взмывали вверх, судья достала из коробки самый крупный мяч тёмно-красного цвета и запустила его в игру. Последним, мало кем замеченный, из чемодана выскользнул маленький золотистый шарик с серебристыми крыльями, чьи невероятно быстрые движения казались плавным покачиванием вверх-вниз. Немного поразмыслив, зависнув в одном положении, шарик золотым лучом рванул в известном лишь ему направлении. Матч начался.

И вот мы в иллюзорном игровом небе, сквозь мягкие светлые облака которого проступали лучи яркого и нежного солнца. Похоже, плата за игру включала в себя трансфер из сентябрьского Токио в весенний Хогвартс. Несмотря на то, что каждый из нас оседлал метлу впервые в жизни, держались все более чем достойно. Первое время никто не начинал борьбу. Каждый пытался понять, как он так легко справляется с полётом. Инсталляция навыков управления необычным летательным аппаратом поддерживала каждую секунду. Я немного покружил над полем, удивляясь реальности ощущения скорости, ветра, абсолютному и непостижимому присутствию гравитации и пьянящему чувству её преодоления. Стоило лишь подумать, что ты собираешься сделать, как тело послушно выполняло команду. Короче, если вы встанете и попытаете вникнуть в моторику каждого шага и как это вообще работает, вы почувствуете примерно то же самое: всё происходит само собой, естественно и непринуждённо. Поэтому я решил не забивать себе голову: разгаданный фокус, как известно, теряет своё очарование.

Бладжер, разбивший нос одному из наших охотников, отвлёл всех от беспечного и восторженного полёта. Словно вспомнив, для чего мы собрались, все бешено заносились над полем, проворно передавая друг другу мяч, ловко уклоняясь от соперников и их атак.

Несколько раз во время игры я замечал, что делаю совсем не то, что приходит мне в голову. Казалось, что моим поведением управляет неведомый голос, заглушающий команды разума. Наблюдая за другими игроками, я понял, что то же чувствуют и они. Это было видно по мимолётным и, казалось бы, неуместным гримасам недоумения на их лицах, как будто что-то пошло не так и удивило их. Решив разобраться в этих ощущениях, я стал прислуши-

ваться к ним. Вскоре до меня дошло: инсталлированные нам навыки полёта пресекают любую потенциально опасную оплошность, так, что порой мы лишены возможности свободы манёвра, который, по версии защитной программы, создаёт угрозу. Такой контроль напоминал гипер-трофированный инстинкт самосохранения, который действует не заодно с сознанием, не сговариваясь с ним, а будто бы подавляя его. Ощущалось неприятное чувство внутренней борьбы сознания с этим инстинктом. Создавалось впечатление, что это не я играю в квиддич, а квиддич играется мной.

Окончательно погрузившись в свои мысли, я не заметил, что вот-вот возьму на таран своего же партнёра по команде, пытающегося увильнуть от кровожадного блаждера. За доли секунды я решил, что во избежание столкновения надо изо всех сил рвать метлу правее, но инстинкт, наложив вето на моё решение, увёл меня резко вниз и провёл под беглецом, который даже не заметил опасного момента. Негодуя на этот внутренний императив, я не сразу понял, что, если бы увернулся, как собирался, вправо, неминуемо столкнулся бы с бладжером. Понимание это стало настоящим озарением. Я принял как должное этот властный голос инстинкта, стал прислушиваться к нему, и внутреннее противоречие разрешилось само собой в пользу баланса моего сознательного и бессознательного. Когда я откинул в сторону рефлексию над доминантой моего поведения, оказалось намного проще и интереснее погрузиться в саму игру.

Спустя четыре часа увлекательной и изнурительной воздушной погони снитч был пойман Акирой, в успехе которого ни сам он, ни, кажется, наши соперники не сомневались с самого начала. Однако итоговый счёт оказался равным.

– Вот дьявол! Катсу, какого тэнгу ты забил так мало голов? – возмущался недовольный таким исходом Акира.

– Вратарь у нас был что лодка дырявая: всё, что мог, пропустил.

– Не прикрывай свои косяки нубами по команде, – не унимался Акира.

В отличие от профессиональных победителей, для которых одно лишь участие, без победы, – уже поражение, я был в восторге от игры. Никогда не думал, что полёты на мётлах, бывшие раньше лишь фантазией писателей, станут реальностью под натиском пытливого ума светил науки. Ох уж эти прогрессивные и одновременно консервативные японцы.

Устав от магии, которая здесь стала частью повседневной жизни, я покинул своих спутников, не прерывая их перепалки на счёт исхода игры. Мою благодарность за приём и сегодняшней день они ещё увидят в записях шоу и в моём блоге, мне же их видеть больше не хотелось. Будучи героем шоу, я привык уходить по-английски. Уверен, они привыкли к этому, будучи его зрителями. Мне всегда казалось, будто таким образом сохраняется какая-то загадка, к которой люди прикоснулись на миг, а потом выпали из этого таинства, словно из сна.

Я давно привык к смене действующих лиц, к тому, что никто не задерживается на авансцене вместе со мною подолгу. В новом месте я находил новых людей, которые могли максимально много показать мне в своём маленьком мире. Проводил с ними столько времени, сколько требует шоу и достижение цели, и, словно экипаж на перекладных, менял их на новых, снова на новых, снова на новых... И так без конца. За сердечную невозмутимость и отсутствие привязанности меня никто не критиковал. Все боготворили меня и мою миссию, были рады прикоснуться к творимому мною чуду, отсюда и отсутствие проблем с компаньонами, провожатыми, гидами – одноразовыми друзьями.

Я вышел на свежий воздух и направился в ближайший парк. Там, как и полагалось современному цивилизованному городу, свежий воздух был пропитан вай-фаем: на него сейчас были ориентированы своими антеннками не только все гаджеты, но и каждый человек. Не будет преувеличением сказать, что им здесь дышат.

Большой склон близ фонтана, засаженный комфортной для сидения и лежания травой, был забит отдыхающими. Вид отсюда открывался действительно прекрасный. На горизонте под лучами закатного солнца нежился Токио. Где-то там урбанистическим муравейником сует-

тились аборигены. Здесь же находились те, кто выкроил время сбежать от суеты и остановиться вместе с мгновением, которое, как известно, прекрасно.

Увы, наслаждались собравшиеся не романтикой момента. В информационных и прочих технологиях японцы давно впереди планеты всей. Гаджетов в привычном мне представлении ни у кого давно не было. Все девайсы для онлайн жизни с лёгкостью встраивались прямо в мозг, с помощью мельчайших электродов подключались к участкам, отвечающим за визуальное, аудиальное и даже тактильное переживание. Здесь с ранних лет в школах преподают искусство управления своими мозговыми имплантатами: представьте себе только, какого это, непосредственно в мозг получать сообщения от друзей, зрачком с оптическим зумом делать фото и отправлять их по почте, смотреть видео и читать книги, просто закрыв глаза. Напоминает какой-то наркотический трип.

Занимательный факт: это искусство управления девайсами берёт начало в древнем китайском учении цигун. Цигунисты учились управлять потоком энергии ци, природа которой, как выяснилось позже, – электромагнитные силы. Немного переосмыслив это учение, производители поняли, что вполне возможно, сохранив тысячелетние традиции, привнести в них нечто новаторское. Раньше мастера цигун, сознательно перенаправляя движения энергии ци, творили чудеса со своим телом. Теперь маркетологи, научив людей использовать свои способности для пользования гаджетами и регулируя движения информации в мозгах потребителей, творят чудеса с их сознанием. Раньше толпы людей собирались в парках, на площадях, на природе, чтобы коллективно позаниматься тайцзи, цигун; теперь вот на полянке у фонтана собралась толпа покорителей контента на природе.

Я пошёл вглубь парка, маневрируя между людьми и забавы ради гадая, чем занят очередной спрятавший за веками глаза встречный. Судя по метаморфозам эмоций на лицах людей, все смотрели видео. Вероятнее всего, какие-нибудь няшности с ютуба. Вполне годный досуг. Своего рода пикник, где во главе стола фастфуд зрелища: быстро изготавливаемая и легко перевариваемая пища, в которой нет ничего полезного.

И вот среди этой «безглазой» компании я вижу девушку. Она сидит на бортике фонтана, освещаемая его вечерней иллюминацией, и читает книгу! Прочувствуйте контраст так же, как и я. Встретить здесь человека, занятого тем, чем занята она, было всё равно, что использовать сегодня чернила с пером: крайне неожиданно и как-то неуместно. Как ни странно, но её такое естественное, нормальное для человека занятие выбивалось из контекста, смотрелось вычурно и аномально.

Я направился ближе к ней. Когда смог отчётливо разглядеть её, сердце моё замерло. Она была невероятно красива! За красотой её таился, но был отчётливо виден, обворожительный, яркий и бездонный внутренний мир. Знаю, это лишено образности, поэтичности, но не буду утруждать ни себя, ни вас подробностями описания. Просто представьте на её месте ту, что для вас – самая настоящая и невероятная, самая желанная и недоступная, самая прекрасная. Представьте, как с каждой секундой влюбляетесь в неё, как стрелка компаса вашей души медленно и неотвратно кренится в сторону её души и, нащупав верное направление, замирает, мелко подрагивая от упоительного восторга. Так вы будете сопереживать мне всецело. Для вас она уже не будет объектом чужого восхищения, теперь она – это и ваш идеал. Восторгайтесь, мечтайте и пьянейте вместе со мной.

– Не думал, что кому-то ещё в радость читать по старинке, – с каждым шагом наполнясь волнительным трепетом, я уже подошёл совсем близко.

Она подняла на меня глаза. Секунду анализировала цель моего появления и, видимо, не найдя в ней ничего угрожающего или двусмысленного, протянула мне ариаднину нить диалога.

– Это совсем другие ощущения. Вы не находите?

– Меня зовут Микаль...

– А я знаю, – прервала она, одним махом лишив инициативы.

Мысли в голове путались, стандартные для таких случаев заготовки рушились, как ветхие непригодные сараи. Действительно, никогда не выходит подготовиться к разговору досконально, первая же непродуманная тобой фраза собеседника обрывает всю цепочку.

– Значит, вы и с глобальной сетью дружите, а не только с книжками, – шутка не прибавила мне уверенности.

– Конечно. Я ведь не старьёвщик-ретроград. Просто люблю экзотику. Не такую грандиозную, как ты, но всё же, – видно было, что ей нередко докучают обсуждением столь странной забавы, но этот разговор, кажется, её не тяготил. Напротив, она даже веселилась, подтрунивая надо мной.

– Неужели в книжке, которую ты читаешь, ни слова про то, что в беседе с незнакомцем обычно принято в ответ представляться? – незаметно мы оба перешли на «ты» – вопиюще поспешная фамильярность для японского этикета.

– Неужели ты так привык, что все незнакомцы сами напрашиваются тебе в друзья? – она примирительно улыбнулась.

Только сейчас я понял, что вызывало во мне волнение и так накаляло. Её спокойствие. Она ничуть не робела, не подхалимничала и нисколько не заискивала передо мной. Это меня удивляло, но впервые ставило на место. Я застыл, уставился на неё, постигая эту обезоруживающую красоту и то, с какой лёгкостью она дала мне понять, что люди вокруг не герои второго плана. По крайней мере, не она. Это я понимал всё отчётливее.

– Ты же не думаешь, что твоё необычное занятие делает тебя беспримерным и интересным для всех? Не всем в людях важнее всего известность, – незнакомка словно отвечала на не озвученные мною мысли, колко и кокетливо.

В этом она была исключением из правила, которое уже всюду подтверждала оживившаяся вокруг нас толпа. Меня узнали. Не лезли вплотную, но бесстыдно фотографировали, и я физически чувствовал, как в социальные сети из их мозгов уже потекли новые фотки и посты.

И моему мозгу уже пора было сгенерировать что-нибудь толковое.

– Честно говоря, привык я именно к этому. Но твоё спокойствие не единственное, что меня приводит в ступор. Я обомлел от твоей красоты. За девять лет скитаний я не встречал девушку прекраснее тебя. И, естественно, твои читательские увлечения не то, что меня интересуют больше всего... Нет, они тоже, конечно. Но не только... – голос сбивался, слова лезли с губ и друг на друга. – Я хочу сказать, что стою здесь не как медиа-звезда, а как мужчина. Я не могу пройти мимо, кажется, первого в моей жизни настоящего, так сказать, внесюжетного человека...

– Уверен, что внесюжетного? Камеры вокруг нас, наверное, не вплетут меня в твой сюжет и не обеспечат невероятные рейтинги?

Дьявол. Я ведь уже и не замечаю их. Всё это прямо сейчас течёт в сеть и оттуда – в океан глаз.

– Надеюсь, что я уже впутал тебя в свой сюжет, – такой же неловкий намёк, как и вся беседа. – Но не ради шоу я здесь. Теперь точно! Я подошёл пообщаться с необычной любительницей книг, а сам заблудился в барханах твоих пустынных глаз. Честное слово, лучше любого оазиса в такой безнадёжной ситуации для меня будет услышать твоё имя.

Какой нелепый пикап. Почему все мужчины так комичны, когда, словно ток, пронимает настоящая, отчаянная тяга к ней, срывающая всю показную брутальность и за образом матерого волка обличающая неуклюжего (но одна польза, милого) Бэмби.

Она улыбнулась тёплой и светлой улыбкой, разогнав всё моё волнение и отчаяние. Её голос нежно коснулся моего сердца, которое облегчённо и радостно продолжило биение. Кажется, только сейчас с того самого момента, как я увидел её с книгой в руках.

– Айко. Приятно познакомиться.

31 марта 2055 года

Стоя возле окна мансардного этажа, что служил моим личным уголком в нашем семейном доме, я размышляю о черте, к которой подошёл в этот день. Я представляю себя у водной глади Рубикона. За её границу я вот-вот шагну. А дальше – точка невозврата.

Конечно же, я сильно волнуюсь. Время от времени от низа живота и до самой макушки проходит леденящая волна спазма. От неё на память телу остаётся лёгкая дрожь то ли ужаса, то ли холода. После – неприятным аккордом симфонию моего волнения завершает тошнота, досаждающая с самого утра, наплевав на то, что я ещё ничего не ел. И так по синусоиде: волна за волной. В этот самый момент я как раз на гребне очередной из них.

Из окна я вижу, как на поляне за нашим домом суетится множество людей. Отец организовал большой праздник в честь моего совершеннолетия, по этому поводу на обычно пустующем дворе нашего поместья собралось множество гостей. Хотя до этого момента у меня не было ни одного друга. К восемнадцати годам я был не настолько глуп, чтобы полагать, что все они мои новые приятели, которые приехали разделить со мной радость очередного дня рождения. Конечно, нет. Всех их пригласил мой отец. Это те люди, которым я отчасти обязан своим рождением: продюсеры, спонсоры, агенты, владельцы крупнейших телеканалов и их журналисты, прочие лицемеры, явившиеся отпраздновать за наш счёт свой триумф. Они в каком-то смысле тоже толкуются у края Рубикона, только уже у противоположного, где с нетерпением ждут моего появления.

Наверное, этот эпизод заставил меня переосмыслить традицию празднования дня рождения: странный праздник детства, как я тогда понял. Такой единственный день из трёхсот шестидесяти пяти, когда собирается куча людей, чтобы похвалить тебя, рассказать, какой ты хороший, хотя ты прекрасно знаешь это без них, и лишь удивляешься, почему не слышишь это чаще одного раза в год. Варианта два: либо это всё дозированная похвала, чтобы именинник не зажрался, либо же это формальная и лицемерная церемония. Я склонялся ко второму варианту.

Собравшись с духом, я направился во двор. Погода была на удивление приятная. Ранняя весна уверенно проматывала снежное наследство зимы уже не первую неделю, поэтому наш сад практически целиком приветственно оголился, сбросив с себя белоснежные одежды. Красоты ему эта нагота, между тем, не принесла. Как и новорождённые дети, пробуждающаяся от зимней литургии природа представляет собой довольно убогое зрелище. Вдохновляет в нём разве что предвкушение полного расцвета, только лишь мысль о том, что будет, но не о том, что есть. Природа переживает это рождение год от года, поэтому прекрасно знает, чего ожидать по весне. В отличие от меня, с трудом представляющего, что ждёт за новой весной.

Размышляя так, я продолжал своё приближение к черте, за которой, едва-едва виднеясь, начиналась новая жизнь.

В такие переходные моменты, когда начинается новый виток верчёного движения по жизни, ты мысленно, как бы прощаясь, охватываешь взором минувшие дни и в то же время рассеянно пытаешься пребывать в настоящем. Всё усложняет то, что время от времени тебе представляются картины будущего, иногда пугающие, иногда воодушевляющие. Так, находясь ни там, ни тут, разорвавшись между прошлым, настоящим и будущим и потеряв таким образом чувство реальности, словно застыв в пространстве, где нет такого понятия как время, я, казалось, целую вечность медленно плыл к сборищу гостей.

Выйдя на улицу, я почувствовал себя оголённым зубным нервом, который от лёгкого весеннего ветра, словно от холодного или сладкого, сжался и заныл. По телу прошёл озноб. Пытаясь поскорее успокоиться и глубоко дыша, я добрался до шатра, под которым расположили праздничный стол, успевший уже, наверное, порядком надорваться от обилия яств. С

моим появлением шум и гам на мгновение стихли. Я оказался в самом центре долины глаз, от тяжести внимания стало не по себе.

– Расслабься, приятель! Пока что это лишь репетиция перед настоящей славой и действительно невиданным вниманием к твоей персоне. А пока чувствуй себя как дома. И... С днём рождения тебя!

Приободряющая речь перешла в радостные и продолжительные аплодисменты собравшихся. Все улыбались, шумели и наперебой кричали поздравления. Я же смотрел на пузатого и статного оратора с блестящей лысиной, который тем временем наполнил свой бокал и, дружелюбно, но несколько высокомерно подмигивая мне, поднял его, давая понять, что это всё в мою честь. В голове у меня роились злобные мысли: «Кто этот мой приятель? почему это я, а не он, должен чувствовать себя как дома, хотя я и так дома? почему его вид вызывает не доверие, а, скорее, чувство, будто этот демон только что купил твою душу, что и отмечает не вином, а кровью...»

– Ну что ты встал столбом? Поздоровайся, поблагодари всех и садись за стол.

Наставления мамы и вовсе не добавили мне уверенности. С трудом найдя в себе признательность, я поспешно исполнил указ матери.

– С днём рождения, дорогой. Я знаю, как тебе некомфортно и страшно, но следующие несколько часов – празднество в твою честь, устроенное не для тебя. Так что прислушайся к совету, расслабься и попытайся получить удовольствие, – обняв меня, мама легко вспорхнула и улетела, как мотылёк, на свет всеобщего веселья.

– А кто хоть этот советчик? – крикнул я ей в след.

– Не знаю. А какая разница? – едва долетело до меня.

– И впрямь... Никакой разницы, – вполголоса согласился я, усаживаясь за стол.

Встав со своего места, отец поднял бокал, три раза слегка коснулся его серебряной вилкой, приглашая всеобщее внимание к своей созревшей речи.

– Я отлично помню, как Микаль появился на свет, – поняв, что речь обещает быть продолжительной, гости отвлеклись от пиршества и с показным интересом уставились на оратора. – Я помню, как, уже увидев этот свет, Микаль ещё долго не мог принять факт своего рождения. Конвульсивно дёргаясь всем телом и в особенности маленькой беззубой челюстью, он никак не хотел первым криком впустить жизнь в свою грудь. Маленький Микаль раскрывал рот и изо всех сил пытался пробить невидимую заслонку, мешающую сделать вдох. Создавалось впечатление, что он ещё не до конца здесь, не полностью вошёл в этот мир и находится сейчас где-то в другом измерении, может быть, даже вселенной, – входя в раж, отец не прекращал живописать. – На глазах его наворачиваются слёзы, рёбра проваливаются всё глубже. И вдруг – словно большой взрыв! Сотворение мира в его груди, которая жадно наполняется воздухом, он – сам Брахма, вдохнувший в себя новую вселенную. Так виделось это мне. И сейчас, в день твоего, Микаль, совершеннолетия я хочу поднять этот бокал за тебя и пожелать, чтобы ты и впредь продолжал творить мир в себе и вокруг себя и с завтрашнего дня начал дышать полной жизнью!

Обрадованные больше окончанием речи, чем её ностальгической поэтичностью, гости воодушевлённо прокричали «За тебя!» и жадно припали к своим бокалам.

Рассказ, словно киномеханик, запустил в моей голове фильм, собранный из эпизодов моего детства.

Я вспомнил частые беседы с отцом. В процессе моего воспитания он выступал в роли идеологического лидера. Я любил беседовать с ним о жизни, отец умел просто и убедительно рассказать обо всём на свете. Когда я сомневался в чём-либо, то скорее бежал к нему за советом. Теперь я понимаю, что все беседы были проработаны им с точностью военного стратега с тем, чтобы заложить во мне надёжный непоколебимый фундамент идеологически верных убеждений.

В памяти у меня всплыл один из наших разговоров. Было мне тогда лет одиннадцать. Я задумчиво вошёл в библиотеку, где, сидя у камина, работал над очередной научной статьёй отец. Я немного помолчал, глядя на него. Он, как всегда, выглядел неутомимым. На удивление мощная (для деятеля подобной сферы) и благородная стать, очень бодрый взгляд, хотя и блуждающий – было видно, что сознание отца прорывается сквозь тернии ещё нехоженых теоретических троп прямо к звёздам. Извечный рабочий костюм: мягкие джинсы и футболка с надписью «ФАЛОСОФИЯ – МАТЬ ВСЕХ НАУК». Сейчас мне кажется, что фалософия – это ответвление школы скептицизма, дошедшее в своей мысли до главной аксиомы, ответа на все вопросы, который звучит следующим образом: «Хуй знает». В одиннадцать лет я попытался разгадать этот ребус, но ничего не поняв, заговорил.

– Папа, я хотел спросить тебя...

Добрый, вопрошающий взгляд приглашал продолжать. И я повиновался.

– Мама часто говорит, что я не такой, как все, что я рождён с великой целью. Что меня ждёт яркая, неповторимая жизнь, и я должен быть готов принять её.

– И мама абсолютно права, – откинувшись в кресле, отец улыбнулся так, будто ждал этого разговора. – А ты знаешь, что именно тебя ждёт?

Я отрицательно покачал головой.

– Тебя действительно ждёт невероятная судьба. Тебе предстоит покорить целый мир! Ты побываешь в каждом уголке нашего земного дома, и за тобой будут следить буквально все. Ты увидишь мир и покажешь его людям таким, какой он есть. Ты станешь лучом, осветившим новые грани миропонимания.

– Как в той легенде? Поэтому у меня здесь нет друзей? Чтобы никто не узнал о моей судьбе?

– Нет. Конечно, не поэтому, – рассмеялся отец. – Это плата, которую ты должен заплатить за свою судьбу. Это для того, чтобы тебя ничто и никто не сдерживал здесь, когда придёт пора отправляться в путешествие. Которые ты закончишь, в отличие от героя легенды. Ты ведь хочешь этого?

– Хочу. Но... Мне кажется, я не хочу платить за такую судьбу? Можно купить какую-нибудь другую?

– Судьба не продаётся, сынок. Она есть у тебя с рождения...

– Но, если я не захочу, я смогу просто остаться здесь, с тобой и мамой. Завести друзей и заняться чем угодно ещё. Так ведь?

– Нет. Ты не прав. Над осмыслением судьбы человечество провело ни одно тысячелетие. Много о ней думал и я. В какой-то момент я понял, что судьба – это предопределение. Она как написанный кем-то свыше сценарий. Каждый получает свою роль во всемирном спектакле.

– А если я хочу другую роль? Или вовсе не хочу играть в этом спектакле? – не отступал я.

– Каждый появляется на сцене в свой час. Когда это определено сценарием – его судьбой. Каждый играет ту роль, которая ему предназначена. Кто-то играет осознанно, от того – ярко и честно, получая удовольствие от игры и радуя других; кто-то пытается противиться своей роли, от чего она выходит скучной и неудачной. Такого актёра никто не любит, и сам он не пивается игрой. Ты никогда не будешь таким.

– Так я же могу испортить весь спектакль и начать играть другую роль.

Едва заметно отец сжал челюсть, от чего скулы его стали шире и весь вид несколько грознее. Он мгновение думал, потом расслабился и с прежней мягкой улыбкой продолжил.

– Не выйдет. Если ты оказался на сцене, ты уже играешь свою роль. Если противишься ей и пытаешься испортить спектакль, как ты говоришь, ты – свободолюбивый сопротивленец по сценарию, и это – твоя роль, непонятая, но принятая тобой. Осознай ты её, и игра жизни станет намного интереснее и ярче, – отец посмотрел на часы, было обеденное время, – и вкуснее, – подмигнув, закончил он.

От последних слов внутри у меня стало тепло, и я понял, что дальше по сценарию идёт обед. Осознание этого несколько усмирило во мне огонь противления. Поняв, как мне показалось, слова отца и приняв свою роль, я и впрямь увидел всё в новом свете, более ярком. Казалось, всё как-то вдруг встало на свои места; сцена была сыграна, значит – время новой. Отец взял меня за руку и повёл на новую мизансцену – в столовую.

По пути я понял, что мне не даёт покоя ещё один вопрос.

– Папа, а если, сопротивляясь сценарию, в какой-то момент актёр понимает, что это его роль... Значит, тогда он больше не будет сопротивленцем, нечему будет противиться?

– Верно. Тогда он получит новую роль. Жизнь – необычный, волшебный спектакль. Но ты ведь уже понял, что сопротивленец – это не про тебя. Ведь так? – отец заговорщицки посмотрел на меня, словно мы раскрыли с ним великую тайну и это должно остаться строго между нами.

– Так! – я кивнул, мысленно давая согласие хранить эту тайну. – А откуда ты знаешь, какая у меня роль? Я вот не знаю.

– Я приложил руку к написанию сценария твоей жизни. Ну и ещё я опытнее тебя, – быстро и весело закончил отец.

Это, пожалуй, было самым понятным и неоспоримым аргументом.

– Ты это уже принял, а скоро ещё и поймёшь. Я же говорил, что роль необходимо осознать.

На этом видение прошлого растворилось. На его месте я увидел всю ту же поляну, полную народа. Успевших насытиться гостей мама раззадорила на веселье. Вырядив всех в лёгкие металлические жилеты, она организовала любимую праздничную забаву – магнитные догонялки. Суть её в том, что водящий должен за определённое время «поймать» как можно больше людей, запустив в них сильным магнитом, который назойливо будет преследовать свою жертву. Остальным игрокам нужно уклоняться от магнита и по возможности пытаться подставить под удар другого. Радость водящего от поимки беглецов или радость одного беглеца от подставы другого дополняется яркими эмоциями: пойманный магнитом игрок получает отметину из разноцветных жидких красок, которые, как осьминог, выплёвывает магнит.

В этот момент мама, вся в зелёных, жёлтых и фиолетовых красках (ей явно не везло в уклонении от магнита) пыталась ускользнуть от очередной перспективы в виде цветного душа. Я наблюдал за ней, как она с юношеской удалью, словно лесная нимфа, кружилась в лёгком танце среди испачканных гостей. Сколько себя помню, не могу сказать, чтобы она хоть раз была в подавленном настроении, злой или агрессивной. Её всегда окружала какая-то светлая аура. Её движения напоминали, скорее, полёт, нежели ходьбу, словно невидимые крылья носили маму по земле, не давая ступням коснуться тверди. Думаю, она отлично дополняла отцовскую монументальность, его конкретность и непоколебимый примат рационального. От того и участие в моей жизни у неё всегда было диаметрально противоположным отцовскому, хотя и в духе его первоочередной идеи и планов на мой счёт. Глядя на неё в этот момент, я вспоминал свои детские годы и отдельные эпизоды, связанные с мамой.

Она часто рассказывала мне разные сказки, которые, похоже, сама и выдумывала (а может быть, ей в этом помогал отец). Во всяком случае, выходило замечательно. Одна из таких сказок запомнилась мне очень хорошо.

Тот день у меня не очень задался. Конечно, какие могут быть проблемы у десятилетнего ребёнка. А, однако, могут. Естественно, надуманные, как, впрочем, и проблемы взрослых. Точно и не помню, что было не так. Может быть, солнце светило недостаточно ярко или было недостаточно тепло на улице, но точно было прохладно на душе. Промаявшись так весь день, с кислой миной на лице завалившись в кровать, я долго не мог заснуть, ворочаясь с бока на бок. Я долго не решался позвать маму, не хотел подавать вида, что что-то не так. В итоге, взве-

сив всё довольно рассудительно, я решил, что её мягкий голос и интересные сказки – лучшее средство от тоски и бессонницы.

– Ну и чего ты крылья повесил? – спросила она, появившись в дверном проёме моей спальни. – Не грусти, а то в жизни не будет везти, – она так жизнерадостно улыбнулась мне, что стало ясно: ей в жизни везёт.

Сейчас я порой задумываюсь, грустят ли люди от того, что им не везёт, или не везёт людям от того, что они грустят. Казалось бы, игра слов. Ан нет. Скорее – игра смыслов. Тогда мне не оставалось ничего, кроме как поверить. Тем более, слова звучали убедительно (хоть и не совсем понятно), а главное – успокаивающе.

– Настроение плохое. Вот даже уснуть не могу, – пожаловался я.

– А хочешь, я расскажу тебе сказку о том, кто никогда не вешал нос, то есть крылья?

Она, не дожидаясь ответа, зная его наперёд, села на край моей кровати, устроилась поудобнее и начала.

– Жила-была на одном маленьком острове стая птиц. Жизнь их текла размеренно и однообразно. Удивительным в ней было одно – все птицы напрочь забыли, что умеют летать. Между ними ходили слухи, что когда-то давно первые птицы владели этим искусством, но корни этих рассказней уходят так глубоко, что и не разобрать, правда это или вымысел. Так или иначе, но все птицы из ныне живущих на острове знать ничего не знали о полёте, давно приноровились ходить по земле, жить в норах и нередко жаловались на крылья, непонятно зачем данные им природой. Когтей на них не было, пальцев – тоже. Способны они были лишь беспомощно раскрываться и складывать вдоль тела, разве что красиво было, но и красоты этой птицы давно уже не замечали.

Но вот в стае объявился один любопытный птенец, который не давал остальным покоя, пытаясь всё разузнать про полёт и предназначение крыльев. Звали его Раки. Над ним смеялись, называли глупым наивным романтиком. В какой-то момент он пропал. Никто не знал, куда он подевался. Вскоре все решили, что с ним попросту что-то случилось. «Да и ничего, – подумали они, – каждый день с кем-то что-то случается».

На самом же деле с ним произошло самое невероятно, что только могло. Постигнув умение летать, он гордым парящим ангелом в один прекрасный день пролетел над головами своих сородичей. Поначалу никто не поверил своим глазам. Поверив, как водится, кто-то стал завидовать, кто-то ненавидеть его за то, что взлетел по социальной лестнице, так сказать, в прямом смысле. Но нашлись и те, кто стали брать с него пример, пытаясь научиться полёту.

А он день ото дня летал всё лучше, красивее, умелее и выше. Он научился улетать далеко за пределы их насиженной полянки и стал рассказывать своим последователям о мире за пределами их собственного, который оказался прекрасным и безграничным.

Последователи Раки быстро смогли освоить азы полёта. Они взмывали вверх, могли немного парить на ветру и преодолевать небольшие расстояния. Но, оказавшись не в силах продолжать упорно учиться, они решили, что это предел возможного для них.

Тогда Раки решил дать им новый пример, показать, что нет предела и любой благодаря усердию сможет улететь так далеко и так высоко, как только пожелает. «Вы знаете, что я родился и вырос рядом с вами, – сказал Раки. – И что я так же, как и вы, долгое время не верил в то, что птицы рождены для полёта. Но я смог и показал это вам. Я научил летать и вас. Теперь же, видя ваше неверие в безграничность наших возможностей, я хочу дать вам новый урок».

С этими словами он взмыл ввысь. Он летел всё выше и выше, пока не превратился в точку и не исчез из виду вовсе. Больше его так никто и не видел.

Все решили, что он улетел с Земли. Но также все поняли последний завет своего лидера и учителя. Ему стали поклоняться и следовать его примеру, передавая умение летать.

– А что было потом? – нетерпеливо спросил я.

– Есть разные версии. Кто-то говорит, что со временем, слепо поклоняясь Раки, птицы упустили суть учения и стали вновь терять умение летать, пока не забыли, для чего им крылья. Но я верю, что потомки усвоили урок Раки и сохранили его самую суть. Может быть, хотя бы некоторые из них.

Мама закончила свой рассказ и, укрыв меня поуютнее одеялом, сказала:

– Надеюсь, история о Раки окрылила тебя?

– Да! Я бы хотел научиться летать выше всех и быть примером для остальных.

– И ты будешь, дорогой. Я знаю. Но об этом я расскажу тебе в следующий раз. Спокойной ночи.

Погладив меня по голове, она улетела прочь. Почему-то сказка эта произвела на меня сильное впечатление. Я ещё долго думал о Раки и его истории. Примерял на себя его роль и так и уснул, воображая себя большой красивой птицей, парящей во все пределы, куда только взора хватает.

На следующий вечер мама исполнила обещанное. Она сама поднялась ко мне в спальню, чтобы рассказать новую историю.

– Сынок, не так давно папа поведал мне одну древнюю легенду, о которой он узнал в ходе своей работы. Он тогда занимался изучением вопроса о богоискательстве и устройстве мира. В какой-то старой библиотеке он наткнулся на дневник одного из таких искателей. Вот всё, что от него уцелело.

С этими словами она передала мне ветхий дневник, который, казалось, рассыплется в пыль от малейшего прикосновения. Обложка его была вся измятая, обуглившаяся по краям, видно кто-то пытался его сжечь. И с какими-то страницами это удалось. Остались отдельные прокопчённые серо-жёлтые листы с на удивление отчётливо видневшимся текстом.

– Я оставлю его тебе, если ты захочешь. Но сперва расскажу то, что отец узнал, изучая его.

Я мало что понял, но мне было страшно интересно, что может скрывать в себе такая старая вещь с богатой и непростой историей. Я уже видел себя археологом или следопытом, кем-то следующим по стопам неизвестного учёного. Но голос мамы прервал мои фантазии.

– Автор этого дневника долгие годы, как и твой отец, искал ответы на вопросы, мучавшие человечество с древних пор. Вопросы эти о мире, о нашем месте в нём, наконец, о Боге как, судя по всему, об одном из участников человеческой жизни. Неизвестный автор сравнивает человеческий мир с раскрытой перед нами книгой, читать которую волен каждый человек. И беда, по его мнению, лишь в том, что каждый читает свою главу в отдельности от целого произведения и, следовательно, от контекста. Поэтому мы так много не знаем о себе и своей жизни, поэтому наши мнения относительно самых главных и, порой кажется, простых вопросов столь различны. Так, изучая религию, например христианство, нам необходимо целиком прочитать и усвоить Библию. Недостаточно в совершенстве знать её отрывки, не будучи знакомым с произведением целиком. Поняв это, исследователь решил, что для постижения мира нужно изучить его целиком хотя бы одному человеку, который потом сможет нести это знание людям, давая пример.

– Совсем как Раки? – с восторгом открывшего нечто новое учёного спросил я.

– И правда. Совсем как Раки. А я и не заметила.

– Вот такой я сообразительный! – загордился я.

– Очень, – улыбнулась мама. – И я так рада, что настолько сообразительный. Это всё упрощает... Ну так на чём я остановилась... Ах да! Последние записи в дневнике преисполнены верой в истинность этой теории и успех идеи в целом. В ходе своих скитаний по миру учёный, по его же словам, открывал для себя новые аспекты жизни, словно действительно прочитывал незнакомые эпизоды давно знакомой книги. К концу своей жизни он уверовал в то, что преодоление всего пути целиком приблизит человека к Богу. Он видел в познании мира познание

Бога. Таким образом, писал автор, богоискательство – процесс, имеющий начало, но так и не возымевший конца, – стало возможным превратить в богонахождение, что суть не одно и то же.

Мама запнулась, поняв, в какие дебри потащила моё неокрепшее сознание. Я сидел на кровати, опрокинувшись в подушки и, наверное, очень смешно и глупо хлопал ресницами; увидев меня, мама рассмеялась.

– Тебе интересно? – спросила она

– Очень интересно. Ещё интересно, чем всё закончилось. Расскажи, пожалуйста.

– Закончилось всё тривиально. Хозяин дневника не смог осуществить свой план. Слишком поздно он пришёл к своей теории, и слишком объёмной оказалась книга мира – он умер, так и не дочитав. Папа очень серьёзно подошёл к разбору идей этого выдающегося человека и решил, что он может быть прав. А значит, его труд может начать и довести до конца кто-нибудь другой. И папа сделал всё возможное, чтобы ты смог, мой милый.

– А почему вы решили, что я бы захотел, и не спросили меня?

– Потому что любим тебя. Знаешь, раньше в аристократических семьях, которые совсем недавно именовались мажорами, было заведено планировать судьбу своего ребёнка и, так сказать, заранее оперять ещё не вылупившегося птенца, чтобы он смог летать выше всех. А птенцы и рады были такому. Они не превосходили самих себя и череду сложностей, а просто следовали плану предков и были очень рады плыть по тёплому и приятному течению.

– Это были плавающие птицы?

– Нет. Это у меня сравнение такое с птицами, – смутилась на секунду мама. – Они были людьми, как мы. И мы с папой, как они, решили заранее позаботиться о тебе и твоей судьбе.

Она с любопытством следила за моей реакцией на рассказ. Немного подумав, я удовлетворил её ожидания, серьёзно и строго сказав:

– Вам повезло, что мне эта история о путешествии нравится. Но больше так не делайте.

Кивком дав обещание, мама из моих воспоминаний снова растворилась за дверью.

Зато реальная она появилась напротив, выудив меня из омута памяти.

– Дорогой, пока все заняты игрой, я хочу преподнести тебе свой маленький подарочек. Помнишь, в детстве ты потерял одну вещицу? Я нашла её и припрятала на особый случай. Мне кажется, это будет символическим подарком тебе на совершеннолетие.

Она достала небольшой сверток, опоясанный цветной лентой, причудливо закрученной в бантик. Я потянул за один его конец, лента змеёй скользнула вниз и вместе с обёрткой упала на землю, явив сам подарок. Это был тот самый дневник. Такой же, каким я его помню. Когда-то давно я начал освоение мира с опушки леса за нашим домом, где в начале осени, ведомый тайнами детской логики, и решил зарыть дневник под деревом. Прошла зима. За это время я успешно позабыл о дневнике, а, когда вспомнил, уже не смог найти. Это действительно был символический подарок – настало время всерьёз продолжить работу неизвестного учёного. Пусть его дневник будет моей личной библией в процессе богонахождения.

Вслед за мамой поспешили исполнить ритуал поздравления и все остальные. Выстроилась вереница гостей с подарками. Каждый по очереди подходил ко мне, говорил и дарил какие-нибудь глупые вещи, после чего передавал эстафету следующему.

В самом хвосте, ожидая свой черёд, расположились отец и мой наставник. Глядя на них, беседующих о чём-то своём, я как-то абстрагировался от остальных гостей, чисто механически принимая всё новые подарки и поздравления, я гадал, что же мне подарят эти двое. Каждый из них внёс свой неоценимый вклад в моё развитие, и я понимал, что оба они ждали определённых дивидендов от этого вклада, что для них этот день не менее важен, чем для меня. Ведь человек судит о своей значительности не только по своим достижениям, но и по достижениям того, к чьему успеху он приложил руку. И в этом смысле они, как и я, были у черты переосмысления своей персоны.

С моим отцом вы уже знакомы. Настало время представить вам и наставника, второго по авторитетности мужчину в моей жизни.

Наставника звали Рон. Я сначала из баловства, а потом из глубокого уважения называл его сенсеём. Дело в том, что саженец его генеалогического древа укоренился в стране восходящего солнца, где не одно поколение его предков были гордыми и известными самураями на службе различных даймё (по-нашему, господин). Так продолжалось до реставрации Мэйдзи – эпохи заката самурайства как сословия. Тогда-то предки сенсея, не сумев найти себе места в новом индустриальном мире, где всё более опрощалась и сходила на нет идеология бусидо, покинули Японию. За несколько веков невероятный по своей природе и силе ветер перемен занёс их в Россию, где уже успел вырасти новый небольшой генеалогический садик, в котором из поколения в поколение передавались и ревностно чтились старые заветы сословия.

Волею судеб Рон попал в нашу семью. Так, по его же словам, сенсей обрёл нового даймё и занялся воспитанием его отпрыска в лучших самурайских традициях.

В результате нескольких поколений кровосмешений Рон практически утратил внешнее сходство с предками: форма и разрез глаз его путали наблюдателя, едва-едва намекая на связь с востоком; цвет кожи также не выдавал его и ничем не отличался от обычного для человека, проживающего в полувечной мерзлоте Сибири; в чертах его всегда гладко выбритого лица мог найти какую-то разгадку разве что антрополог или, на худой конец, физиогномист. В общем, на первый взгляд едва ли он чем отличался от миллионов других россиян, в чей геном за известные три столетия успел закрасться азиатский компонент.

А вот то, что скрывалось за русифицированным дизайном, было стопроцентной японской прошивкой, если можно так выразиться. Рон был образцовым преемником традиций своих праотцов, сумевшим пропустить сквозь всё своё существо философию бусидо и безупречно следовать ей в повседневной жизни. Со временем, правда, не переставая восхищаться, сенсей стал казаться мне заблудившимся путешественником во времени, эдаким музейным экспонатом, от знакомства с которым остаётся смешанное чувство: трепета от осознания его ценности и грусти по давно минувшим временам.

От того бесконечно радовала предоставленная мне возможность прикоснуться к этому артефакту былой эпохи и постичь тайны древней Японии, сокрытые в нём.

Родители мои разумно расценили, что с таким наставником, как Рон, беспроигрышной будет ставка на моё образование по системе анскулинг. С раннего детства моё воспитание под шефством сенсея началось с так называемого им «закона сыновней почтительности». По сути своей, это были беседы, посвящавшие меня в святыне святыне восточной мудрости, из которой я впервые постигал важность семьи и моральный императив почитать родителей, а в особенности отца и его волю.

Позднее своими уроками сенсей заменил мне школу, занятиями кендо и тайдзюцу – тренера, беседами и совместным досугом – друзей. Он говорил: истинный смысл бусидо в том, что самурай – это не просто воин, но всесторонне развитая личность, безупречный дух в дисциплинированном теле. От того он, как и все уважающие себя самураи, был прекрасно образован не только в боевых искусствах, но и абсолютно во всех дисциплинах, которые преподавались у нас в школах. Мы часто прогуливались в нашем саду, в такие моменты сенсей очаровывал меня историями о своих предках. С его слов я узнал, что самурай пребывал в постоянном ожидании смерти, что, однако, не тяготило его дамокловой катаной, а напротив, наполняло вкусом к жизни. Каждый самурай прекрасно знал, что этот день, этот час, этот миг может быть для него последним, от того особенно ценил каждую минуту, умел видеть красоту жизни в людях, природе, тонко чувствовал окружающий мир. Сенсей говорил, что человек, готовый к смерти, видит всё в полном цвете, чувствует жизнь в каждом вздохе и посвящает себя саморазвитию. Именно поэтому многие самураи были талантливыми поэтами, художниками, скульпторами.

Истории его о героях давно минувшей эпохи будоражили моё юношеское воображение. Постоянно обучаясь и тренируясь с сенсеем, я видел перед собой достойный пример, которому страстно желал подражать.

В то время бусидо был моей настольной книгой, к которой я обращался за советом в минуты сомнения. В нём я почерпнул главные постулаты учения, среди которых одно из главных мест занимало упорство самурая. Считалось, что оно необходимо не только в достижении поставленных целей, но и в выполнении сложнейших задач. Пытаясь стать самураем хотя бы в собственных глазах, я постоянно требовал у сенсея и отца дать мне задание как можно невыполнимее. Потом, внутренне разрываясь между ненавистью к себе за это и фанатичным следованием принципам бусидо, я с великим усердием достигал намеченных результатов, благодаря чему, как мне казалось, становился чуточку «самурайнее».

Пока я предавался ностальгии, череда гостей подошла к концу, и передо мной оказался сенсей. Держась, как обычно, гордо, твёрдо и решительно, он чеканным шагом приблизился ко мне. Сдержанно и ободряюще обратился:

– Микаль, – голос его заставил почувствовать себя намного увереннее, мне даже стало как-то стыдно, что я, ученик такого сенсея, так малодушно волнуюсь в этот день. – Ты всегда жадно впитывал мои уроки. Настало время передать тебе мой прощальный завет. Истинный самурай, отправляясь в поход, давал три обета: забыть свой дом, забыть о жене и детях, забыть о собственной жизни. Я знаю, что в душе ты – истинный самурай. Потому справишься с этим испытанием, – едва улыбнувшись, он продолжал. – Жены и детей у тебя нет, так что тебе уже на одну треть легче. Дом твой отныне – весь мир, и жизнь твоя посвящена ему. Помни об этом и с достоинством отправляйся в поход.

Сенсей передал мне небольшую коробочку, которую я тут же раскрыл. В ней оказался необычный макет Земли размером с теннисный мячик, который, если сконцентрироваться на определённой точке, мог увеличиваться в размерах и на выскальзывающем из него гибком дисплее проецировать местность, увеличивая масштаб так, чтобы возможно было всё разглядеть. Полезной особенностью устройства была функция, закрашивающая участки Земли, в которых побывал владелец «мячика», в другие цвета. Сейчас он демонстрировал мне наш родной город, словно изображаемый спутниками Земли, и быстро затухивал его красным.

– Изготовлен специально для тебя и твоей миссии, – пояснил сенсей. – Надеюсь, он будет для тебя постоянным ориентиром, показывающим, какой путь ты уже прошёл и сколько тебя ещё ждёт впереди. Сейчас не закрашено и сотой процента всего шарика. Но известно, что дорога в тысячу ли начинается с первого шага.

– Спасибо. Спасибо Вам за всё, сенсей. Я пронесу в своём сердце и разуме каждый ваш урок.

Вытянув руки вдоль тела, сенсей поклонился, не отрывая от меня взгляда. Я поклонился в ответ. Несколько секунд мы стояли так, наклонившись и глядя друг другу в глаза. Потом он едва заметно кивнул, выпрямился и, резко развернувшись, пошёл прочь.

Он не был бесчувственным или несентиментальным человеком. На своём примере он не раз доказал мне, насколько чувственен и поэтичен самурай. Такое холодное прощание сперва огорчило меня: естественно, я ожидал чего-то иного. Но потом я понял: каждое слово и действие его, прощальная церемония – всё это было его уроком мне. Он в последний раз показал, что значит быть истинным самураем. И я знал, что должен усвоить его всецело.

– Уделишь ещё несколько минут своему отцу? – я обернулся на голос, вероятно, мысли о сенсее занимали меня несколько дольше, чем я думал. – Завершая сегодняшней вечер, я бы хотел ещё раз поздравить тебя и символическим жестом распахнуть перед тобой ворота в мир и новую жизнь.

Он положил руку мне на плечо и повёл в сторону непонятной горки, выросшей посреди поля и скрытой красной тканью. Одна за другой нас осветили вспышки журналистских камер – ещё одно символическое посвящение в новую жизнь.

– Сын, это мой тебе подарок в столь знаменательный день, – громко и отчётливо (явно не для одного меня) произнёс отец. – Надеюсь, ты быстро подружишься с ними, ведь отныне они – твои верные спутники, твои друзья и товарищи, глаза – одновременно твои и миллиардов зрителей! Знакомься же!

Завершив речь, он одним рывком явил всем нам то, что скрывалось под тканью.

Это были три автоматически пилотируемые видеокамеры, которые безмолвными, всё напоминающими спутниками должны были отправиться за мной хоть на край света. Чёрные, каждая размером с овчарку, какое-то время они неподвижно лежали на земле. Потом на каждой из них inferнальным красным глазом вспыхнул индикатор, камеры взметнулись вверх и на высоте метров трёх выстроились в ряд. В таком своём положении они напоминали три головы могучего и пристально наблюдающего за мной чербера, охранявшего не то вход, не то выход в потустороннее царство.

Итак, я перешёл Рубикон. Или Стикс?...

11 апреля 2055 года

Я был волен сам выбирать маршрут, куда и когда ехать, где, сколько времени проводить. Зная, что впереди ждёт ещё очень многое, а, следовательно, спешить абсолютно некуда, я решил начать с малого, но важного – со знакомства с Россией. Первым пунктом назначения была выбрана Москва.

– И правильно, что Москва, – прокомментировал мой выбор отец. – В любом случае до выезда из страны тебе следовало посетить одного человека в столице, который окажет тебе неоценимую услугу.

Пояснений от отца я так и не получил. Зато получил визитку, на которой значилось имя «Брайн» и его координаты – г. Москва, ул. ВВП, 72.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.